

ВОЙНА ЦѢНА ОТД. № ВЪ РОЗН. ПРОДАЖЪ 25 К. И НА СТ. ЖЕЛ. ДОР. 30 К. НОВЫЙ САТИРИКОН

№ 36

ЕЖЕНЕДЕЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ

1916

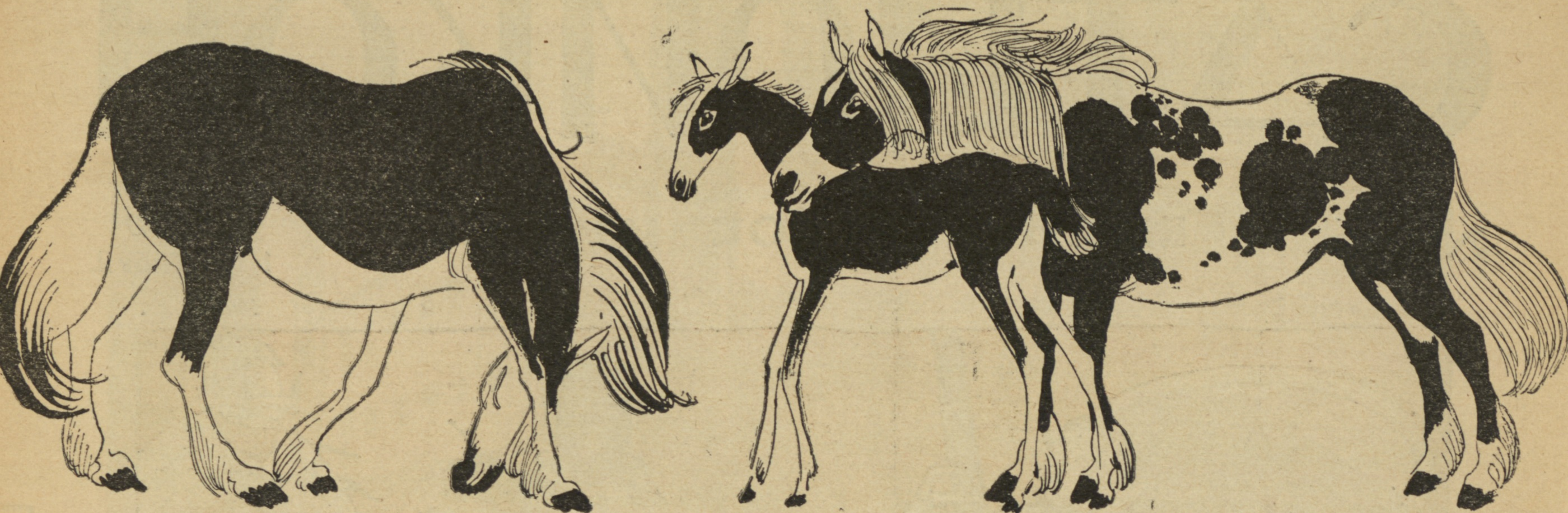
1 СЕНТЯБРЯ.

Рис. Ре-ми.

КОНТРАГЕНТСВО
30 К.
ЯЯ СТАНЦІАЛЬ Ж Д

I. УВЛЕКАТЕЛЬНАЯ ИГРА и — II. ПОСЛѢДНЯЯ НОТА.

КРѢПОСТНИКЪ.

Я — либераль съ душой крѣпостника.
 Душа — отъ предковъ горькое наслѣдство.
 Ее томила неустанно съ дѣтства
 Тяжелая, упорная тоска.
 Въ селѣ мнѣ старецъ древній разсказалъ,
 О томъ, какъ, вымещая гнѣвъ неправый
 И совершая жуткія расправы,
 Мой пьяный дѣдъ дворовыхъ истязалъ.
 Со сладострастной, смутною тоской,
 Я думаю, какъ злобѣ дѣдъ послушенъ,
 Съкъ мужиковъ нещадно у конюшенъ
 И дѣвокъ билъ нагайкою въ людской.
 Почувствовавъ необъяснимый страхъ,
 И проклиная буйныя попойки,
 Стакановъ звонъ и бѣшенныя тройки,
 Постился дѣдъ и каялся въ грѣхахъ,
 Чтобы потомъ въ безуміи хмельномъ
 Оставить вдругъ наскучившую келью,
 Предаться изступленному веселью,
 Залить тоску разгуломъ и виномъ.
 Я — либераль съ душой крѣпостника,
 Я говорю о правѣ, о народѣ,
 О равенствѣ, о братствѣ, о свободѣ,
 Но сердце гложетъ лютая тоска.
 И трудно мнѣ словами разсказать,
 Какъ этотъ міръ мнѣ нестерпимо скученъ.
 Бабъ хочется пороть мнѣ у конюшенъ
 И мужиковъ до смерти истязать!

Юрій Зубовскій.

ПРОДОВОЛЬСТВЕННЫЕ СОВѢТЫ.

Каждый самъ себѣ сахарозаводчикъ.

Рафинаду нѣтъ. Сахарный песокъ, хоть и съ трудомъ, но достаютъ. У каждой хозяйки является вопросъ: какъ превратить песокъ въ рафинадъ?

Нѣтъ ничего легче! Берутъ обыкновенный сахарный песокъ, раскладываютъ его на кристаллики, каждый кристалликъ отдѣльно, затѣмъ при помощи синдетикона начинаютъ ихъ склеивать между собой, стараясь придать всей работѣ форму сахарной головы. Когда голова готова, ее распиливаютъ на квадратики обыкновеннаго рафинада.

Каждый самъ себѣ мясникъ.

Приобрѣтаютъ обыкновенную, пусть даже не дойную, а уже выдоенную корову и заводятъ на ней трехпольную систему, которая состоитъ въ слѣдующемъ:

Вырѣзаютъ печенку у коровы съ такимъ расчетомъ, чтобы, когда будетъ вырѣзанъ толстый край — печенка ужъ отросла; вырѣзаютъ тонкій край съ такимъ расчетомъ, что-

бы, когда будетъ вырѣзано филе — толстый край ужъ отросъ, и т. д.

Это очень выгодная система, т. к. черезъ извѣстные промежутки времени корова снова находится въ первобытномъ состояніи, за исключеніемъ одной части каждый разъ другой.

Слѣдуетъ такъ приравнивать моменты отрастанія, чтобы они приходились на мясопустные дни.

Рыбный столъ.

Любой деревянный столъ, крашенный, некрашенный или полированный, хотя бы въ стилѣ Людовика XV, можетъ быть рыбнымъ, если на немъ рыба. Изъ этого видно, что центр тяжести въ рыбѣ, а не въ столѣ. Даже въ томъ случаѣ, если столъ вѣситъ 2 пуда и 3 фунта, а рыба — фунтъ.

Рыба бываетъ: прудовая, озерная, рѣчная и морская. Колодезная рыба бываетъ, если ее опустить въ колодезь. Точно также въ аквариумахъ она разводится искусственнымъ путемъ. Рыба бываетъ живой, сонной, мерзлой, вяленой, просольной, прокопченной, вареной и жареной. Первоначально она бываетъ, за исключеніемъ мертворожденныхъ, живой. Сонной можетъ быть всякая рыба: для этого ее нужно лишь вынуть изъ воды. Но рѣчной карась могъ бы дремать и въ водѣ, если бъ не щука, обязанность которой слѣдить за тѣмъ, чтобы карась страдалъ безсонницей.

Теперь весь вопросъ въ томъ: какъ самому разводить рыбъ? Мы знаемъ отвѣтъ!.. Берутъ зернистую икру въ пригоршню и мечутъ ее по столу, какъ мечутъ банкъ. Если икра свѣжая и еще способная къ оплодотворенію, то уже на третій день появляются головастики. Если же они не появляются, то икра собирается для бутербродовъ.

Изъ паюсной икры, можно заранѣе сказать, ничего не выйдетъ, т. к. ее очень неудобно метать.

Въ случаѣ появленія головастиковъ, ихъ пускаютъ въ воду и ждутъ, пока они подрастутъ. Чѣмъ дольше держать головастика въ водѣ, тѣмъ крупнѣе будетъ рыба. Извѣстны случаи, когда терпѣливые рыбоводы выращивали въ стеклянныхъ банкахъ огромныхъ осетровъ.

Вегетаріанскій столъ.

Весьма полезно знать хозяйкамъ слѣдующее:

Рѣдька очень надоѣдаетъ. Хрѣнъ рѣдьки не слаще. Спустя лѣто по малину не ходятъ. Любовь — не картошка. Вотъ-те и клюква! Рѣпа, какъ и рѣдька, пишется черезъ «ѣ». Римскіе огурцы — чудны. Въ великомъ посту актеры устраиваютъ «капустники». Горохъ къ стѣнкѣ не пристаеетъ. Бобы разводятъ. Изъ щавеля добываютъ кислоту. Изъ свеклы добываютъ сахаръ. Спустя осень по грибы не ходятъ.

Кстати, о прибахъ. Можно въ любомъ помѣщеніи имѣть грибную культуру: стоитъ только развести сырость. При сырости легко появляется плѣсень, а затѣмъ и грибы. Но эти грибы въ пищу не годны.

При вегетаріанскомъ столѣ большимъ подспорьемъ

являются молочные продукты. Молоко получают двоякимъ путемъ: изъ коровъ и съ фермъ. Молоко, полученное первымъ путемъ, значительно болѣе питательно. Голландскій сыръ выдѣлываютъ въ Голландіи, швейцарскій — въ Швейцаріи, русско-швейцарскій долженъ былъ бы выдѣлываться на границѣ Россіи и Швейцаріи, но т. к. такой границы нѣтъ, то самый сыръ выдѣлывается въ Швейцаріи, а дырки въ немъ просверливаются въ Россіи подъ наблюдениемъ чиновъ швейцарскаго посольства.

Сыръ со слезой выдѣлывается въ сыроварняхъ, гдѣ существуетъ низкая расцѣнка заработной платы.

Исидоръ Гуревичъ.

ВОЛЧЬИ ЯГОДЫ.

Поташъ, Перламутръ и Володиміровъ.

Журналъ „Театръ и Искусство“ публикуетъ слѣдующее пикантное, какъ соя-кабуль, письмо:

„Т. и Иск.“ въ корреспонденціи изъ Томска вашъ корреспондентъ пишетъ, между прочимъ, о томъ, что наконецъ, получили разрѣшеніе играть „Поташа и Перламутра“, полагая, что пьеса мѣстной администраціей была запрещена „по неизвѣстнымъ причинамъ“. Удивляюсь, что вашему корреспонденту эти „причины“ — неизвѣстны. Въ Томскѣ всѣ, такъ или иначе прикосновенные къ театру лица, знаютъ, почему пьеса „Поташъ и Перламутръ“ не была разрѣшена. Нашъ губернаторъ, г. Володиміровъ, совершенно откровенно объяснилъ причину запрещенія г-жѣ Мосоловой, когда она, въ бытность свою въ Томскѣ, пожелала поставить эту пьесу. „Эта пьеса ложь, — сказалъ нашъ губернаторъ, — она выводитъ какихъ-то добрыхъ и великодушныхъ евреевъ. Такихъ не бываетъ“.

Губернаторъ Володиміровъ можетъ тутъ же оговориться:

— Пьеса эта выводитъ евреевъ. Я тоже вывожу евреевъ.

Но какъ я ихъ вывожу? Какъ таракановъ.

Впрочемъ, существуетъ высшая справедливость: Володиміровъ находится въ Томскѣ, Томскъ — въ Томской губерніи, а Томская губернія — въ Сибири.

Такъ и слѣдуетъ.

Допрыгались.

Когда австрійцы хотѣли взять у итальянцевъ Венецію — имъ это не удалось, а когда итальянцы захотѣли взять у австрійцевъ „Венецію“ — имъ это удалось;

Изъ Рима сообщаютъ, что принадлежащее австрійцамъ палаццо „Венеція“ (въ Римѣ) объявляется собственностью Италіи.

Безчисленныя и грубыя нарушенія международнаго права, совершенныя Австро-Венгерскою имперіей въ настоящей войнѣ, и разрушенія, совершенныя безъ всякой военной цѣли памятниковъ и зданій Венеціи, вызвали эту мѣру въ качествѣ справедливой кары со стороны Италіи.

И капали горькія слезы изъ глазъ на горячій песокъ...

„Веселая поѣздка“.

(Комическая.)

Есть такіе злые жестокие люди, что и повеселиться добродушному человѣку не дадутъ:

Зашитникъ Горицы генералъ Лидель преданъ военному суду. Его обвиняютъ, что въ день итальянскаго наступленія и прорыва фронта Лидель оставилъ Горицу и предпринялъ увеселительную поѣздку.

— Предприняли мы однажды увеселительную поѣздку, — будетъ рассказывать своимъ внукамъ старенькій Лидель. — Сначала было весело-весело, а потомъ, когда вернулись — скучно-скучно...

Драгоценный прахъ.

Есть случаи, когда профессія гробокопателя — самая пріятная, самая упоительная профессія:

Изъ Нижняго-Новгорода сообщаютъ: „Въ подвальномъ помѣщеніи ресторана Скалкина обнаруженъ складъ вина. Въ подвалѣ этомъ было вырыто нѣчто въ родѣ могилъ, хорошо замаскированныхъ, даже залитыхъ водою. А въ могилахъ было вино.“

Въ этомъ случаѣ добрая половина Россіи не прочь была бы сдѣлаться могильщиками.

Ханжа.

Газеты сообщаютъ:

Императоръ Вильгельмъ, возвращаясь съ западнаго фронта, снова посѣтилъ Кельнскій соборъ. Кайзеръ вошелъ въ храмъ рука-объ-руку съ пасторомъ.

Одному, очевидно, входить въ храмъ было рискованно! Есть люди, которыхъ и въ церкви бьютъ.

Отъ сорока болѣзней.

Просачивается...

Постепенно широкая публика узнаетъ о новомъ циркулярѣ, дающемъ возможность получить спиртъ на льготныхъ основаніяхъ.

Въ нѣкоторыхъ аптекахъ установились даже „алкогольныя очереди“. Фармацевты не успѣваютъ принимать большого числа поступающихъ къ нимъ алкогольныхъ рецептовъ.

Всюду только и слышится:

— У васъ что, рецептъ на спиртъ?

— Да, спину сильно ломить, компрессы докторъ прописалъ...

Заколдованный кругъ: не было спирта — спину ломило, прописали спиртъ — голову стало ломить.

А кое-кому слѣдовало бы прописать обыкновенную простую ижицу.

Пріятныя минуты.

Какъ живетъ и работаетъ г. Булацель:

Булацель посѣтилъ англійское посольство съ цѣлью принести свои извиненія. Посолъ обратился къ нему со слѣдующими словами:

„Въ первый разъ въ жизни чувствую я себя вынужденнымъ требовать извиненія за выраженія, которыя одна изъ русскихъ газетъ позволила употребить по отношенію къ моей странѣ. Послѣ тѣхъ жертвъ, которыя она принесла съ самаго начала настоящей войны, и послѣ всѣхъ услугъ, оказанныхъ Россіи, этого я никакъ не ожидалъ.“

Статья, появившаяся въ „Россійскомъ Гражданинѣ“, меня сильно огорчила и принесла моему правительству жестокое разочарованіе. Она была составлена въ выраженіяхъ, очень несправедливыхъ по отношенію къ нашему премьеръ-министру, и весьма оскорбительныхъ для нашей арміи. Она вдохновлена ненавистью къ Великобританіи и симпатіей къ Германіи. И въ Берлинѣ, несомнѣнно, будетъ принята съ восторгомъ“.

Такъ живетъ и работаетъ г. Булацель.

Вслѣдъ за этимъ г. Булацель выразилъ послу свое живѣе сожалѣніе по поводу того, что въ написанную имъ въ „Россійскомъ Гражданинѣ“ статью вкралась, вопреки его намѣреніямъ, такія выраженія, которыя больно задѣли дружественную и союзную страну.

Онъ принесъ свои искреннія извиненія за возбуждвшій протестъ посла выраженія по адресу перваго министра и британской арміи. Онъ призналъ, что высказанныя въ статьѣ утвержденія о дѣйствіяхъ этой арміи во Франціи, безусловно ложны и что, напротивъ, британская армія въ теченіе войны оказала большія услуги дѣлу союзниковъ.

Булацель ходитъ въ мужскомъ костюмѣ.

Но если эту фигуру раздѣтъ, то всѣ ахнутъ: подъ мужскимъ платьемъ окажется унтеръ-офицерская вдова.

Ростовская мода.

Ростовъ-на-Дону. Полиція обнаружила въ шляпномъ магазинѣ Моносзонъ, въ шляпныхъ коробкахъ, запасы подошвенныхъ кожъ.

Какой ужасъ! Значитъ, наивныя, довѣрчивыя ростовскія дамы носили на головѣ, вмѣсто шляпъ, подошвенныя кожи и никто не догадывался объ этой путаницѣ, пока не вмѣшалась полиція?

Моносзона почему-то посадили въ тюрьму.

Поѣзда, украшенные флагами.

Александръ Амфитеатровъ рассказываетъ кое-что о бывшемъ германско-румынскомъ торговомъ договорѣ:

Дѣло въ томъ, что, по смыслу соглашения, въ обменъ на румынскій хлѣбъ, германскіе поѣзда, украшенные именемъ покойной Карменъ Сильва, должны были доставлять въ Румынію машины, ткани и металлы, въ которыхъ чувствуется крайняя нужда. На дѣлѣ, однако, вышло то, что во всѣхъ перечисленныхъ товарахъ германцы сами нуждаются, а пресловутые разрекламированныя и украшенные флагами поѣзда везутъ въ Румынію всяческія бездѣлушки „made in Germany“, лишившіяся сбыта по случаю войны, въ томъ числѣ, напримѣръ, массу нюрнбергскихъ игрушекъ.

И окончилось это плохими игрушками.

Ихъ трагедія.

Если на клоповъ брызнуть скипидаромъ, то они начинаютъ весело бѣгать по всѣмъ направленіямъ:

„Раннее Утро“ сообщаетъ: Министръ внутреннихъ дѣлъ призналъ необходимымъ сократить субсидіи правымъ газетамъ. Рядъ правыхъ изданій, имѣющихъ ограниченный кругъ читателей, будетъ совершенно лишенъ субсидій. Правые рѣшили представить записку о несвоевременности этой мѣры.

И дѣйствительно несвоевременно.

Совершенно вѣрно — несвоевременно.

Потому что давно уже это можно было сдѣлать.

Рис. А. Р.

СВОЯ ТОЧКА ЗРѢНІЯ.

Лапландецъ: — Читаль ты: фунтъ свѣчей въ Россіи стоитъ уже два рубля?!

— Несчастные! Что же они, въ такомъ случаѣ, ѣдятъ?!

ОТРЪШЕНИЕ ОТЪ МІРСКОЙ СУЕТЫ.

- Такъ мнѣ все опротивѣло... Хотѣла пойти въ монастырь — не пускаютъ.
- Почему?!
- Говорятъ — въ мужской монастырь нельзя.

Руки вверх.

Величественное зрѣлище получается, если этотъ кличъ испускаетъ не отдѣльный жуликъ, а цѣлое государство:

Изъ Берлина сообщаютъ: желѣзнодорожное министерство предписало, чтобы при уплатѣ жалованья служащимъ министерства, удерживалась часть содержания, въ общемъ, въ размѣрѣ четверти годового оклада для пріобрѣтенія облигацій пятого военного займа.

Только зачѣмъ такіе тонкіе расчеты: четверть годового оклада, облигацій, пятый заемъ?..

Просто — выворотить карманы у служащихъ и, давъ подзатыльникъ, убѣжать. Честнѣе и понятнѣе.

Міровая аттракція.

Выраженіе „пробивать себѣ лбомъ дорогу“ понято однимъ молодымъ человѣкомъ совсѣмъ буквально:

По провинціальнымъ городамъ разъѣзжаютъ два молодыхъ человѣка и даютъ оригинальные поэзо-концерты, — такъ, что ли, называются ихъ выступленія?

Въ Кисловодскѣ они, — рассказываютъ газеты, — недавно взяли нѣсколько хорошихъ сборовъ съ курортной публики.

Оба они поэты, оба новаторы, но есть между ними очень существенное различіе.

Одинъ читаетъ „стихи“, которыхъ никто не понимаетъ, или, вѣрнѣе, издаетъ нечленораздѣльные звуки. Эти звуки являются послѣднимъ крикомъ искусства.

Другой стиховъ не читаетъ и вообще никакихъ собственныхъ звуковъ не издаетъ. Молча и величаво разбиваетъ онъ головою дубовыя доски, — говорятъ, до четырехъ вершковъ толщиной.

Голова у молодого человѣка на диво крѣпкая. Фальши въ его демонстраціяхъ нѣтъ ни малѣйшей. Каждая доска прежде, чѣмъ сокрушится о лобъ юноши, ходитъ по рукамъ любознательныхъ зрителей, и любой скептикъ можетъ хорошенько постучать по ней и убѣдиться, что никакихъ трещинъ и тому подобныхъ изъяновъ въ доскѣ нѣтъ.

А когда этотъ писатель какъ слѣдуетъ прославится — къ тому дому, гдѣ онъ живетъ, прибьютъ доску съ датой его рожденія. И гвозди въ доску молодой человѣкъ можетъ вколотить собственной головой.

Умница онъ. Никто изъ писателей этого не умѣлъ, а онъ сумѣлъ.

В Е Ч Е Р Ъ.

Хрымскій слѣботь.

Какъ румянецъ на щекахъ актрисы,
Вспыхнулъ западъ блѣдный и пустой.
У дороги пыльной кипарисы
Быстро таютъ въ синевѣ густой.

Слышенъ шумъ прибоя у Мисхора —
Древній плачъ сѣдой морской волны.
Небеса, какъ темный сводъ собора,
Тишины таинственной полны...

Хороводъ эпохъ, идей и націй
По тебѣ, Эвксинскій понтъ, проплылъ,
Но твоихъ волшебныхъ декорацій
До конца никто не полюбилъ.

Генуэзцевъ радужные бриги,
Византійскихъ гордый рой триремъ,
Всѣ прошли, какъ по страницамъ книги,
По тебѣ, лазоревый Эдемъ...

Все же мнѣ милѣй родная Волга:
Какъ кумачъ алѣютъ Жигули.
Тянетъ остро, тяжело и долго
Сыростью душистой отъ земли.

Соловьи безумствуютъ на зорькѣ
Отъ любви, какъ будто бы спяна,
А вокругъ черемухъ запахъ горькій,
И въ душѣ зеленая весна...

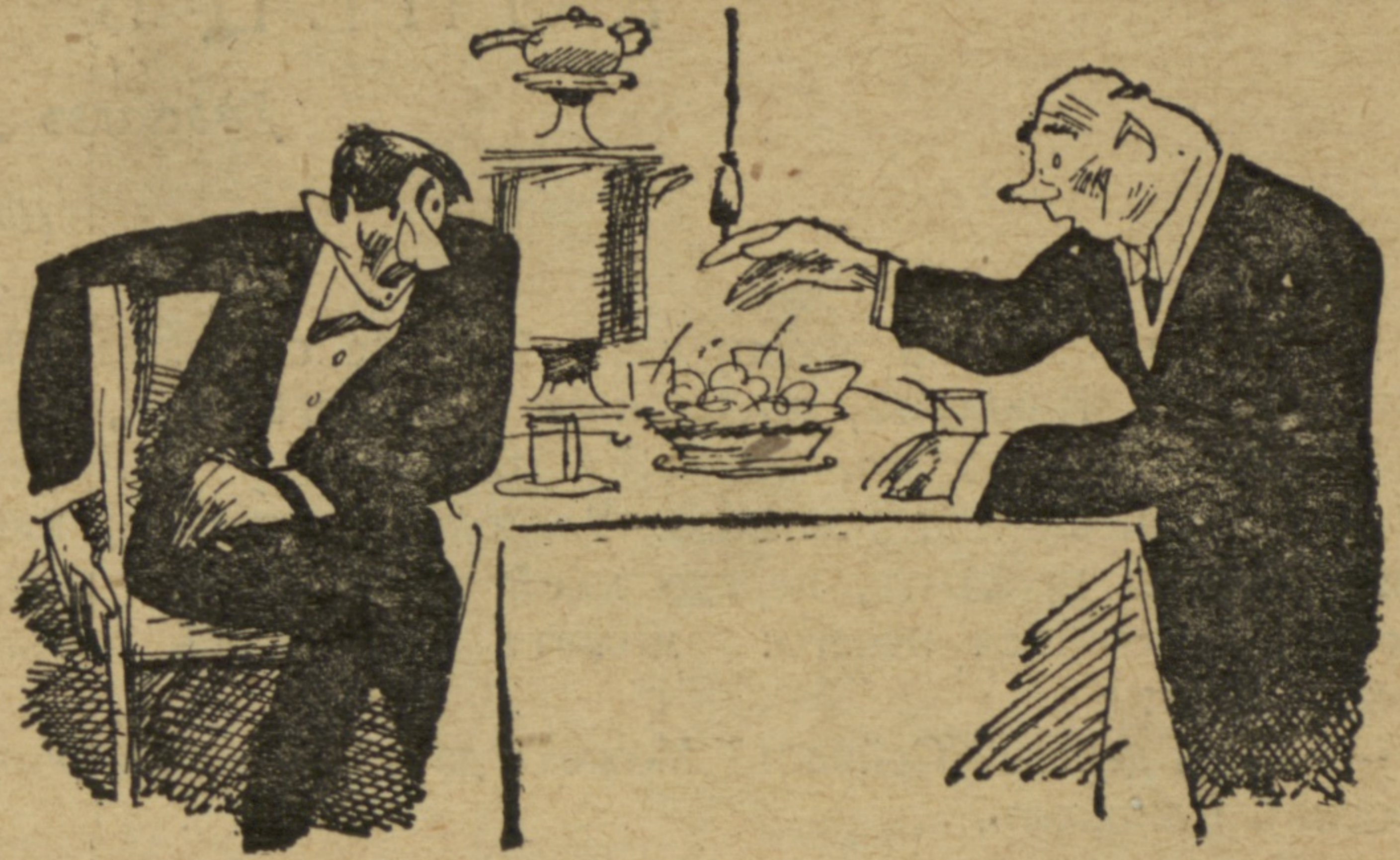
Счастье здѣсь такъ рѣдко, скупо, блѣдно;
Какъ природа, жизнь мрачна, тяжка.
Не сияютъ небеса побѣдно
Надъ тобой, родимая рѣка.

Волга-мать! Прелестны волны Нила,
Дивенъ Тибра матовый узоръ,
Но меня лишь ты навѣкъ плѣнила,
Твой правдивый, русскій твой просторъ!

Ай-Тодоръ.

Леонидъ Астаховъ.

Рис. Н. Р.

БОГАТЫЙ ДОМЪ.

Хозяинъ: — Хотите слугу позвать? Звоните 7 разъ.

Гость: — Неужели, у васъ такъ много прислуги?

Хозяинъ: — Нѣтъ, но ему хоть 20 разъ звони, онъ все равно не приходитъ...

ПЕРЬЯ ИЗЪ ХВОСТА.

Правда это или нѣтъ, но хотѣлось бы, чтобы это была неправда:

„Въ новой банковской газетѣ, организованной А. Д. Протопоповымъ при участіи синдиката петроградскихъ банковъ, отдѣломъ театра будетъ завѣдывать Леон. Андреевъ, который будетъ также писать рецензіи.“

На кровной арабской лошади можно, конечно, возить воду, но отъ этого ни вода слаще не сдѣлается, ни ума у водовозовъ не прибавится.

А разъ это такъ — зачѣмъ кровную арабскую лошадь заставлять воду возить?

„Синій Журналъ“ въ силу таинственныхъ побужденій рѣшилъ выходить на болгарскомъ языкѣ.

Цитируемъ для подтвержденія:

Несчастны женщины съ большими ногами. Одѣнетъ (?) короткую юбку — ихъ видно. Одѣнетъ (?) длинную — всякій догадается.

По-русски — одѣть можно кого-нибудь. А юбку можно только надѣть.

Удобно ли въ переживаемое нами время такъ любовно пропагандировать болгарскій языкъ?..

Корреспондентъ „Русскаго Слова“ былъ вполне увѣренъ, что сатириконецъ проморгаетъ его корреспонденцію изъ Бійска, Но у сатириконецъ тысяча глазъ и ушей.

Вотъ что написано въ „Русскомъ Словѣ“:

Вашъ корреспондентъ вернулся изъ объѣзда центральныхъ волостей Алтая. Всюду колоритныя картины. Передъ волостными правленіями толпы горцевъ.

Передъ освидѣтельствованіемъ призываемыхъ на работы священники служатъ молебны на алтайскомъ языкѣ.

Что это за священники, служащіе на алтайскомъ (?) языкѣ?

Существуетъ Уралъ. Но нѣтъ уральскаго языка.

Въ Америкѣ есть Кордильеры. Но если вы заговорите на кордильерскомъ языкѣ, для васъ нужно купить небольшой домикъ и немного желтой краски. Домикъ надлежитъ выкрасить желтой краской и посадить туда васъ, чтобы отдохнули.

Корреспонденція должна быть корреспонденціей, а не шалтай-балтай, какъ говорятъ алтайцы на алтайскомъ языкѣ...

Въ Одессѣ издается газета „Русская Рѣчь“. Какой-то „Пессимистъ“ вздумалъ похвалить въ этой газетѣ фельетониста „Новаго Времени“ г. Ренникова, но похвалилъ его такъ, что Ренниковъ долженъ взвыть:

— Бога ради, не хвалите меня больше!!

Ренниковъ — тихая сапа подъ врага.

Подходитъ съ медовыми рѣчками, разсыпается ехиднымъ бисеромъ и потомъ —

— Хватаетъ за штаны.

Когда сотрутся грани, когда мы отрезвѣемъ, когда перестанемъ реагировать на мнѣняющіеся цвѣта партійнаго спектра, тогда Ренниковъ станетъ —

— Больше понятнымъ, какъ явленіе.

Пока его не любятъ... жида.

Они считаютъ его —

— Измѣнникомъ.

Вольно же имъ было вѣрить, что онъ когда-нибудь былъ —

— Юдофиломъ.

Вырвавшись изъ Одессы, Ренниковъ тотчасъ плюнулъ въ лицо прогрессивной прессы. —

— „Святителями вѣчнаго“.

И сразу отмежевался отъ нихъ.

Одинъ коллега Ренникова и „Пессимиста“ выразился такъ:

„Услужливый „Пессимистъ“ опаснѣе врага“.

КОНЕЦЪ КЛИНКОВА*).

Разсказъ Арк. Аверченко.

(Окончаніе.)

Рыжій, похожій на лисицу человѣкъ, не смущаясь рѣзкимъ тономъ Клинкава, заулыбался, закрутилъ и, изгибаясь хребтомъ, сказалъ медовымъ голосомъ:

— О, конечно! Я понимаю. Господи! Улетучусь, какъ дымъ. Но, вы простите, передо мной, какъ передъ духовникомъ, стѣсняться нечего: можетъ быть, вамъ сейчасъ нужны деньги?

— Какъ деньги? Сейчасъ? Можете дать? — недоумчиво спросилъ Клинкава.

— Да, вѣдь это ваши же деньги. Я, такъ сказать, дамъ авансомъ...

Клинкава разставилъ массивныя ноги, погрузилъ руки въ карманы и впалъ въ глубокую задумчивость. Очнулся.

— Десять тысячъ можете дать?

— Сдѣлайте одолженіе... У меня дома на всякій случай приготовлено...

Клинкава что-то промышаль, взялъ Громова подъ руку и отвелъ его въ уголь:

— Послушай, Громушка... Ты меня знаешь: я мужчину цѣню въ десять тысячъ разъ больше любой женщины... Надняхъ я продалъ Подходцеву довольно красивую дѣвушку за рубль. Мнѣ сейчасъ пришла мысль: я куплю тебя за десять тысячъ. Довольно?

— Бѣдняга, — вздохнулъ Громовъ, сочувственно поглаживая плечо Клинкава. — Богатство огуманило твой обычно не богатый мозгъ.

— Ты не понимаешь меня. Скажи: она уступила бы тебя за десять тысячъ?

— Кто?!

— Жена. Можно даже безъ развода. Чортъ съ ней.

Громовъ нахмурилъ брови и энергично замоталъ головой.

— Нѣтъ-нѣтъ! Ничего не выйдетъ. Кажется, что она не возьметъ и ста тысячъ.

— Почему?!!!

Громовъ застѣнчиво пробормоталъ:

— Дѣло въ томъ, что... что...

— Ну?!!!

— Дѣло въ томъ, что...

И закончилъ съ милымъ смущеніемъ женщины, сообщающей, что она скоро будетъ матерью:

— Дѣло въ томъ, что... она... меня, кажется, любитъ!

Клинкава досадливо крякнулъ и засвисталъ.

— Угораздило тебя, дѣйствительно. Послушай...

— Ну?

— А, можетъ быть, ты слишкомъ много о себѣ воображаешь?

— То-есть?

— Можетъ быть, она тебя не любитъ?

Въ глазахъ Громова мелькнула и погасла безысходная тоска:

— Нѣтъ, братъ... любитъ. Ужъ я знаю навѣрное.

— А ты не могъ бы... отравить ее, что ли?

— При водянкѣ головы нужно провертѣть буравчикомъ дырку на темени и, опрокинувъ человѣка вверхъ ногами, вылить скопившуюся воду. Мы съ Подходцевымъ устроимъ тебѣ это.

— Я говорю серьезно. Ну, напейся пьянъ и избежь ее до полусмерти.

— А вдругъ послѣ этого она меня еще больше полюбитъ. Сердце женщины — загадка.

— Ну, хочешь, я ее увлеку?

— Она только вчера сказала, что твоя фигура напоминаетъ ей диванный валикъ съ розеткой, вмѣсто головы.

— Гм! Надѣюсь, ты оборвалъ ее?

— О, неужели ты сомнѣваешься? Я съ негодованіемъ возразилъ, что ты больше похожъ на галапагосскую черепаху, ставшую на заднія лапы.

— Господа! — перебилъ ихъ Подходцевъ. — Въ обществѣ не принято шептаться. Этотъ золотистый молодой человѣкъ и я — мы скучаемъ безъ васъ.

— Сейчасъ-сейчасъ, — обернулся Клинкава. — Въ такомъ случаѣ, мнѣ, господинъ довѣренный, не понадобится

десяти тысячъ. Давайте пока пятьсотъ рублей, чтобы я могъ похоронить своего друга по первому разряду.

— А! — съ преувеличеннымъ сочувствіемъ подхватилъ рыжій человѣчекъ. — У васъ умеръ другъ? Какое несчастное событіе.

— И не говорите. Его убила одна женщина съ волосами цвѣта пакли.

— Не надо отчаиваться, — подхватилъ рыжій довѣренный. — Ему тамъ будетъ лучше.

— Вы думаете?

— Я увѣренъ. Разъ онъ вашъ другъ, значитъ это — свѣтлая личность.

Громовъ подошелъ и пожалъ ему руку.

— Спасибо, голубчикъ. Видно, что вы знаете людей.

— Когда же похороны? — освѣдомился обстоятельный довѣренный. — Я бы тоже пришелъ отдать послѣдній долгъ.

— Да, зачѣмъ же вамъ беспокоиться. Отдайте черезъ меня.

— Что?

— Вы говорите должны ему что-то?

— Нѣтъ, это, вообще такое выраженіе, — ласково захихикалъ рыжій, изгибая станъ. — Такъ вамъ нужно пятьсотъ? Я распорядусь по телефону. Здѣсь телефонъ близко?

— Внизу у швейцара.

Дѣлая змѣиные движенія спиной, довѣренный вышелъ изъ номера.

Подходцевъ печально оглядѣлъ обоихъ друзей и промолвилъ, вздыхая:

— А все-таки лучше, если бы этотъ рыжій паренекъ совсѣмъ не приходилъ сюда.

— Почему? — возразилъ Клинкава. — Онъ дастъ намъ денегъ. Я сегодня справлю пышную тризну по Громову!

— Боюсь я, — со зловѣщимъ спокойствіемъ отчеканилъ Подходцевъ, — что тризну придется справлять по двумъ.

— А второй кто? — смутился Клинкава.

— Ты.

— Я? Что за вздоръ. Наоборотъ, мы теперь будемъ богаты и заживемъ хорошо.

— Мы? Нѣтъ, это ты. Ты будешь богатъ и, конечно, имѣешь полное право жить хорошо.

— Вздоръ-вздоръ. Мы не разстанемся, — растерянно бормоталъ Клинкава, пытаясь обнять и поцѣловать ледяного Подходцева.

Подходцевъ вернулъ ему поцѣлуй, но продолжалъ тѣмъ же рѣшительнымъ тономъ:

— Видишь ли: это совершится чисто автоматически, какъ ножъ гильотины отдѣляетъ голову отъ плечъ... Тебѣ, конечно, не будетъ смысла жить со мной въ этомъ полутемномъ, гробоваго вида номерѣ. Мнѣ никакъ нельзя поселиться въ одномъ изъ твоихъ палаццо...

— Почему?!! — зарычалъ блѣдный отъ злости Клинкава.

— Зачѣмъ объяснять, когда ты самъ понимаешь. Я тебѣ напоминою одинъ штрихъ, одинъ пустякъ: помнишь, когда я былъ женатъ, имѣлъ квартиру съ портъерами, сверкающими салфетками и лопаточками для свѣжей икры, а вы пришли съ Громовымъ ко мнѣ, съ подведенными животами, стыдящіеся своего голоднаго вида и брюкъ съ бахромой... Что удержало васъ отъ откровеннаго разговора со мной? Почему вы стали хвастаться роскошной сытой жизнью?! Ага?

Подходцевъ съ видомъ смертельно усталаго человѣка бросился въ кресло, вытянулъ ноги и, освѣщенный свѣтомъ каминна, заговорилъ, полузакрывъ глаза:

— Дѣло въ томъ, дорогіе мои, что мы всѣ трое горды, какъ знатные, но нищіе испанцы. И все у насъ идетъ хорошо, пока мы въ одинаковомъ положеніи и состояніи...

— Я не гордый, — пробормоталъ Клинкава.

— Ты?! Я вѣдь знаю, что ты могъ бы получить отъ отца солидное содержаніе, и ты не взялъ у него ни копейки, только потому, что онъ былъ сухъ съ тобой!! Развѣ это не гордость? Почему я разошелся со своей женой? Изъ гордости! Почему Громовъ не разоидется со своей женой? Изъ гордости! Нѣтъ, хлопчики, наше преступное сообщество расшаталось въ конецъ, я это чувствую. Не надо закры-

*) См. № 34 „Конецъ Громова“ и № 35 „Конецъ Клинкава“.

вать глаза! Первый удар нанесла своей нѣжной, но жестокой рукой высокочтимая Евдокія Антоновна, второй — эта противоестественная помѣсь лисицы и очковой змѣи, это довѣренное лицо, этот погубитель Клинкава, чтобъ его тамъ у телефона убило токомъ высокаго напряжения!

— Хотите, я спущу его съ лѣстницы и откажусь отъ наслѣдства? — донесся изъ дальняго угла голосъ притихшаго Клинкава.

— Э, нѣтъ, братику. Этого ужъ я не позволю. Дружба хороша, когда она — вольное лѣсное растение, а не оранжерейная штучка, выращенная искусствомъ опытнаго садовника. Мы расходимся — я люблю иногда взглянуть въ глаза старухѣ-правдѣ — надъ нами сейчасъ разразилась гроза съ ливнемъ, грянулъ громъ... и... и долго мы не обсушимся!

— Лѣтнія грозы коротки, — съ усиліемъ выдавилъ изъ судорожно сжавшагося горла Громовъ.

— Возможно. Жена твоя, можетъ разлюбить тебя, или, наконецъ, не дай ей Богъ этого, умереть, Клинкавъ — любитель женскаго пола — можетъ спустить всѣ свои капиталы на какое-нибудь алчное, розовогубое, золотоволосое существо, а я...

— Ты? Что же ты? Печему ты остановился?

— Я буду ждать васъ, дѣтки. Только и всего. Профессія незатруднительная, но отнимающая много времени. Правду вѣдь сказать, я васъ очень любилъ. У Клинкава были женщины, у Громова — поэзія и высокія искусства, а я — прозаическій земной человекъ, въ любой моментъ могъ промѣнять и то и другое на любого изъ васъ.

— Я сейчасъ заплачу, — простоналъ Клинкавъ изъ дальняго угла.

— При водянкѣ головы жидкость, переполняющая мозгъ, иногда течетъ изъ глазъ, — сказали не совсѣмъ увѣренными отъ тайнаго волненія голосомъ Громовъ.

— Что жъ ты, голубчикъ, — упрекнулъ Клинкавъ. — Сталь уже на своихъ бросаться?.. Все равно, какъ бы ты меня ни оскорблялъ, я тебя люблю.

— Ахъ, не говори такъ жалостно! Господи! И что мы за несчастные такіе... Я торопился къ вамъ, хотѣлъ поздравить тебя съ днемъ ангела...

— Да развѣ я именинникъ? — удивился Клинкавъ.

— Еще бы. Всюду флаги, фонари, торжественное шествіе по городу алкоголиковъ и дегенератовъ. А что же это твой рыжій купидонъ не идетъ?! Не убило ли его, въ самомъ дѣлѣ, у телефона электричествомъ?

— Придетъ. А онъ довольно препротивный, братцы. Хорошо бы ему учинить какую-нибудь гадость.

Подходцевъ всталъ съ кресла, потянулся и, сбросивъ свой оцѣпенѣлый видъ, засмѣялся.

— Я знаю, что мы ему сдѣлаемъ! Клинкавъ! Достань изъ твоего чемодана пару атласныхъ дамскихъ туфель. Не краснѣй, пожалуйста. Я знаю, что ты уже цѣлый годъ прячешь эту реликвию, стащенную у нашей «женщины, найден-

Рис. Ре-ми.

Марсъ: — Пиши: Италія объявила Германіи войну, Румынія объявила Австріи войну, Греція объявила...

ной на площадкѣ». Не стыдись, дружище. Это доказываетъ нѣжность твоей природы. Есть туфли? Давай! Громовъ! снимай ботинки... Давай! Поскорѣе, дѣтки. Заливай каминъ водой, туши электричество. Есть? Выставляйте туфли и ботинки за дверь... Есть?! Тсс... Онъ, кажется, возвращается. Прячься за ширму, дѣти!

Раздался тихій смѣхъ, легкая суетня, и все стихло.

По коридору послышались шаги. Кто-то остановился у дверей номера, потоптался нерѣшительно и дернулъ за ручку двери. Лисья физиономія, освѣщенная свѣтомъ изъ коридора, просунулась въ номеръ...

— Пардонъ, извините... Здѣсь живетъ господинъ Клинкавъ?

Клинкавъ поднесъ свою руку къ губамъ и сталь ожесточенно цѣловать ее.

Лисья физиономія спряталась; наступило на нѣсколько секундъ молчаніе. Въ коридорѣ, за притворенной дверью, довѣренный переминался съ ноги на ногу и вздыхалъ сокрушенно и недоумѣнно...

Снова приотворилась дверь, и просунулся лисій носъ.

— Пардонъ, здѣсь г. Клинкавъ живетъ?

Подходцевъ закрылъ себѣ ротъ подушкой и взвизнулъ тонкимъ пронзительнымъ голосомъ.

— Ахъ, мужчина! Нельзя... Я раздѣта. Что вамъ нужно?!

А густой голосъ Клинкава прорычалъ:

— Что это за мерзавцы шатаются, спать не даютъ! Вотъ встану, дамъ по затылку...

Дверь захлопнулась. Послышались быстрые удаляющіеся шаги.

Всѣ трое вскочили съ кровати и подкрались къ дверямъ.

— Ушелъ?

— Нѣтъ, кажется возвращается. Опять шаги. Тсс!

Въ сосѣдній номеръ постучали.

— Кто тамъ? — донесся изъ-за стѣны голосъ.

— Можно?

— Войдите.

Хлопнула дверь, въ сосѣднемъ номерѣ послышался разговоръ, сначала тихій, потомъ громче, потомъ все это перешло въ ревъ:

— Вонъ, животное! Я тебѣ покажу, какъ шататься по чужимъ номерамъ! Еще стащишь что-нибудь! Коридорный! Дай ему по шеѣ!!

Снова послышался топотъ бѣгущихъ ногъ и на минуту — тишина.

— Къ швейцару пошелъ, — сказалъ Подходцевъ. — Зажигайте электричество! Полный свѣтъ! Убирайте ботинки! По мѣстамъ, господа!.. Тсс! Идутъ.

Простуженный голосъ швейцара хриплѣлъ:

Клю: — Постой, не торопись такъ — я не успеваю листы переворачивать!!!

— Я же вамъ по-человѣчески докладываю, что г. Клинковъ живутъ въ 49-мъ.

— Да нѣтъ же! Тамъ какіе-то женскіе ботинки, кто-то спитъ.

— Гдѣ ботинки? Снятся вамъ? Свѣтло у нихъ, гдѣ жъ тутъ ботинки? Никакихъ ботинковъ. Только зря отъ дѣла отрываютъ, ей Богу.

Клинковъ всталъ, отворилъ дверь и спросилъ съ самымъ невиннымъ лицомъ:

— Что за шумъ? Въ чемъ дѣло, господа?

Ошеломленный довѣренный протеръ глаза и неувѣренно спросилъ:

— Я сейчасъ стучалъ къ вамъ, господа?

— Нѣтъ, что вы, зачѣмъ же? Ничего подобнаго. Мы сидимъ въ троемъ, ждемъ васъ. Никто не стучалъ. Вы, вѣроятно, не въ тотъ этажъ попали. А что? Случилось что-нибудь?

— Ничего, ничего... Гм! Вотъ ваши пятьсотъ рублей, я самъ съѣздить за ними. А мнѣ ужъ разрешите откланяться. До завтра.

— Откланивайтесь, это можно.

Клинковъ вернулся и, потрясая деньгами, воскликнулъ:

— Лѣво срабстано!

А Подходцевъ печально закончилъ:

— Тѣмъ болѣе, что это, кажется послѣдняя наша работа.

— Почему?

— Ахъ, Господи!.. Погляди: ты небрежно держишь въ рукахъ пятьсотъ рублей, и это только одна тысячная твоихъ денегъ!! Съ этого момента мы тщательно разгорожены: женатый человѣкъ, миллионеръ и бобыль-прощельга...

— Пить! — простоналъ пересохшими губами Громовъ, хватаясь за голову.

Аркадій Аверченко.

НЕКРОЛОГЪ О БЫТОВИКЪ.

Одинъ очень талантливый беллетристъ училъ меня, что писать нужно просто, рѣзко и коротко.

Судя по нѣкоторымъ даннымъ, онъ тратилъ свои слова попусту.

— Нужно писать такъ, чтобы описаніе какого-нибудь случая было бы штампомъ для всякаго такого же случая. Цвѣтокъ описывается такъ, чтобы всякій цвѣтокъ подъ это подходилъ, старость — такъ ужъ, чтобы въ ней тлѣніе чувствовалось... Относительно цвѣтка онъ, конечно, правъ. Если не входить въ подробности, къ какому семейству стебельковыхъ или опыленныхъ онъ принадлежитъ, цвѣтокъ описать не трудно, но что касается чисто бытовыхъ явле-

ній — здѣсь дѣло гораздо сложнѣе. И все же я беру на свои слабыя плечи непосильную задачу приготовить штампъ для всякаго некролога о писателѣ-бытовикѣ.

Это было весной 189... года. Тогда еще двадцатилѣтній юноша, Критуговъ впервые предъявилъ свое произведение на судъ литературы.

Роль Ѳемиды исполнялъ старый одноглазый редакторъ ежемѣсячнаго журнала «Туземный Прогрессъ».

Первый отзывъ о достоинствѣ произведенія Критугова былъ кратокъ и туманенъ:

— Зайдите черезъ двѣ недѣли.

Критуговъ зашелъ черезъ двѣ недѣли. Мнѣніе о его рукописи нѣсколько измѣнилось.

— Зайдите черезъ четыре дня.

Критугова обмануть было трудно, и онъ зашелъ черезъ четыре.

— Нехорошо это, Сычуговъ, — привѣтствовалъ его редакторъ, — пишете нехорошо.

— Я Критуговъ, — пробовалъ защищаться тогда еще двадцатилѣтній юноша.

— Все равно, нужно писать грамотно. Это не оправданіе.

Кривой редакторъ отдалъ ему чужую рукопись и сказалъ, что ему некогда. Впослѣдствіи Критуговъ со смѣхомъ вспоминалъ объ этомъ случаѣ, покашливая чахоточнымъ кашлемъ.

Въ теченіе года Критуговъ приходилъ всюду, гдѣ съ нимъ имѣли дѣла, черезъ двѣ недѣли. Даже въ общедоступную столовую. Это своеобразно и ярко дѣйствовало на тогда еще двадцатилѣтній организмъ молодого писателя.

* * *

Однажды редакторъ, потерявшій его рукопись, предложилъ ему въ видѣ компенсаціи сходить на городскую скотобойню.

— Я не люблю этихъ зрѣлищъ, — уныло промолвилъ тогда еще двадцатипятилѣтній Критуговъ.

— Будьте выше ихъ. Принесите списокъ прибывшихъ на мясную площадку.

Критуговъ принесъ длинную статью объ ужасѣ питанія живыми существами. Редакторъ оставилъ изъ статьи заключительный выводъ: десять строчекъ цифръ заколотога за послѣднюю недѣлю скота.

Критуговъ въ этотъ день сытно обѣдалъ и говорилъ знакомой портнихѣ:

— Я пишу очерки изъ жизни большого города.

* * *

— Вамъ только тридцать лѣтъ? — удивленно спросилъ

МЫСЛИ БЕЗСОННЫХЪ НОЧЕЙ.

Восходъ солнца часто напоминаетъ лишь о томъ, что давно пора спать.

Нѣтъ ничего на свѣтѣ вѣрнаго; даже городъ Вѣрный испытываетъ колебанія почвы.

Фиговымъ листкомъ человѣчество обязано женщинамъ. Здѣсь два начала любви женщины: къ нарядамъ и къ оголенію.

Чтобы имѣть въ супѣ курицу, поэтъ воспѣваетъ соловья.

А. Гуревичъ.

ПОГОНЯ КАРАЮЩЕЙ ѲЕМИДЫ ЗА МАРОДЕРОМЪ...

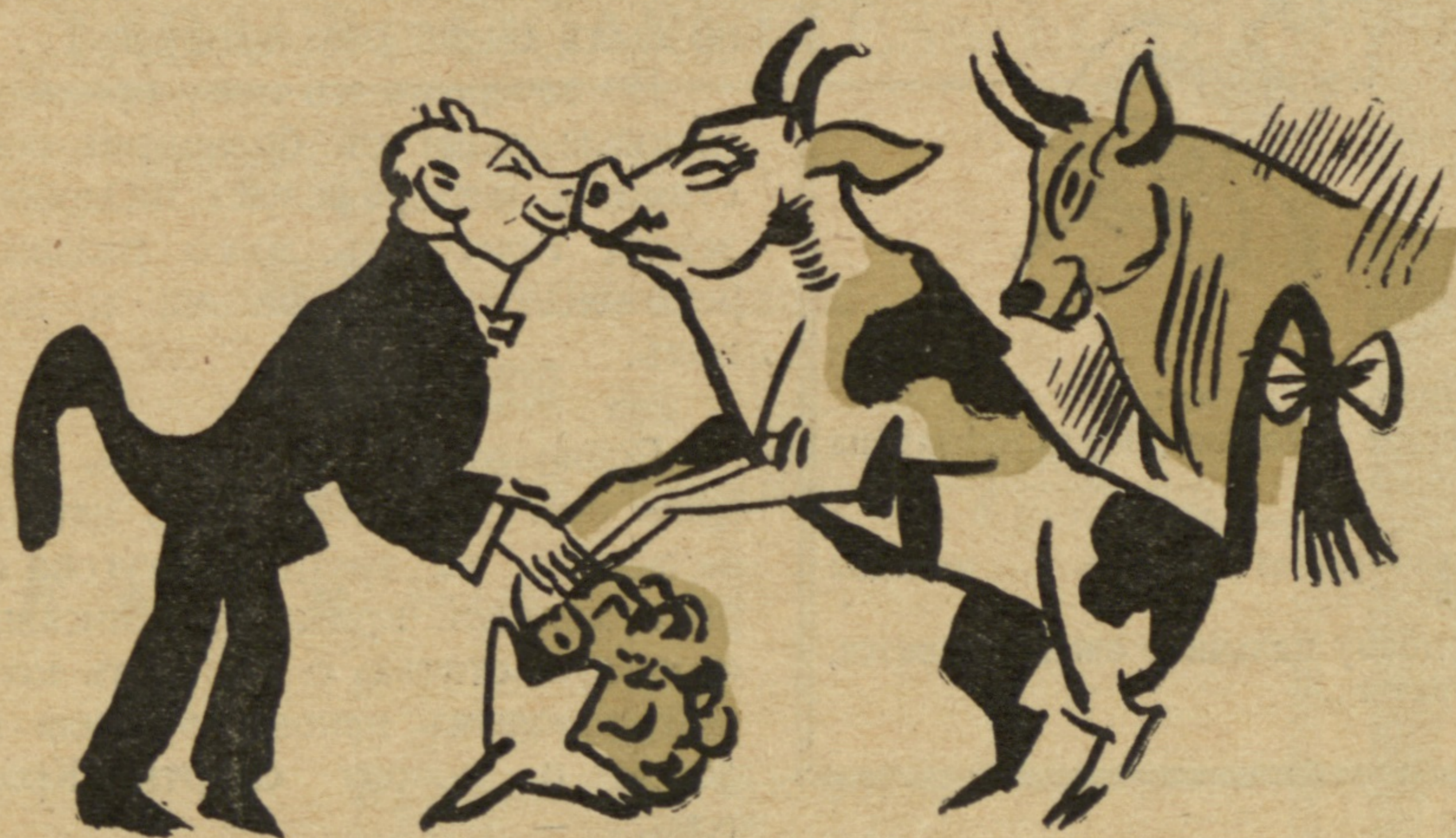
Городской голова: — Алло! Что? Пригнали стадо быковъ?! Лечу встрѣчать.

— Что это вы? Почему букетъ?
— Помилуйте, такое торжество... 300 головъ! Надо же ихъ встрѣтить...

— Лети скорѣй! Не жалѣй городского автомобиля!!

— Ф-фу, успѣлъ! Разрѣшите привѣтствовать...

Встрѣча была трогательная. Послѣ первыхъ привѣтствій всѣ, общей компаніей, отправились на бойню...

— Кто звонитъ? Это бойня? Алло! Какъ 301 голова? Вы должны были получить 300. Что? А городского голову вы не считаете? Вѣдь онъ тоже тамъ. Алло? Какъ не можете разобрать? Что? Приступили уже къ убою?! Сейчас же отыскать среди этихъ головъ нашего городского — слышите? Я самъ ѣду!

— М-м-да... Трудновато. Всѣ на одинъ фасонъ. Впрочемъ, я думаю во время убою можно выяснитъ...

— Ну, вотъ, слава Богу, и выяснили.
— Какъ же вы выяснили что это онъ?
— Очень просто: самъ даже не пошатнулся, а тогоръ отъ удара о темячко — пополамъ...
И бысть въ томъ захолустномъ градѣ ликование велие...

Критугова маститый писатель въ одинъ теплый весенний день, принимая у него рукопись, — очень, очень мало.

И учитывая, что его собесѣднику торопиться со временемъ некуда, прибавилъ:

— Осенью напечатаемъ.

Это былъ годъ литературной карьеры молодого таланта. За годъ у него напечатали восемь рассказовъ въ разныхъ журналахъ, изъ которыхъ два совсѣмъ не имѣли конторы и другихъ приспособлений для уплаты гонорара, а четыре другихъ лопнули въ неизвѣстное время года.

У Критугова уже было двое дѣтей. Жалѣя малютокъ, о немъ начали писать критическія статьи, гдѣ его называли надеждой Россіи.

* * *

— Странно, — разсѣянно сказала одна дама, — я думала, что Критугову восемнадцать, а ему, какъ вы говорите, уже сорокъ два... Почему же его называютъ молодымъ...

— Ну что же... Всего одна книжка рассказовъ... Вотъ, когда напишетъ пять-шесть.

— Да, но четвертая книга выйдетъ, когда ему будетъ сто шестьдесятъ лѣтъ... Впрочемъ, я такъ мало понимаю въ литературѣ.

— О, это прекрасный писатель, У него великолѣпно описанъ бытъ типографскихъ мальчиковъ и шорныхъ мастерскихъ.

«Сегодня мы справляемъ юбилей, — писалъ въ 19... году еженедѣльный обозрѣватель литературы и другихъ предметовъ, не требующихъ точнаго знанія, — нашего маститаго Критугова, автора рассказовъ, рисующихъ бытъ третьяго и четвертаго сословія. Созданный имъ образъ прачки Аксиньи («Очеркъ изъ жизни паровыхъ прачешныхъ». Москва, 190..) никогда не уйдетъ изъ литературы. По почину Критугова образовалось много полезныхъ литературныхъ организаций: «Общество изученія произведений П. С. Критугова», «Фондъ имени Хемницера для начинающихъ корректоровъ» и т. д.

— Кто такой это Критуговъ? — спросилъ одинъ студентъ, просматривая газету. — Гласный что-ли? Что-то пишутъ о немъ.

— Такъ, навѣрное, кто-нибудь изъ санитарной комиссіи. Къ нимъ всегда газеты привязываются.

* * *

Тогда уже шестидесятилѣтнимъ старцемъ, Критуговъ го-

СВЯТАЯ МАТЕРИНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

На вокзалѣ. Дама съ мальчикомъ подходитъ къ молодому человѣку:

— Не знаете, молодой человѣкъ, когда поѣздъ на Харьковъ идетъ?

Молодой человѣкъ, заика:

— А—въ, а-а-въ... В—въ восемь ч-а-совъ веч... веч... ечера!

— Благодарю васъ. Пойдемъ, Сереженька.

Черезъ пять минутъ. Снова, она же:

— Молодой человѣкъ! Когда поѣздъ на Харьковъ идетъ!

— Я-жь... я-жь... в... вотъ, вамъ у... уже ск'азаль: вввъ восемь!

— Спасибо. Ну, пойдемъ, Сережа.

Черезъ пять минутъ. Она же:

— Скажите молодой человѣкъ, когда поѣздъ на Харьковъ идетъ!

Молодой человѣкъ, въ отчаяніи:

— В... вотъ, ссуударыня! Я вамъ у... уже два р... раза ск'азаль!!

— Я знаю. Но моему мальчику очень нравится, какъ вы разговариваете...

— Знаете, а онъ правъ, — умироотворенно сказалъ одинъ изъ редакторовъ, печатавшій Критугова, — бездаренъ былъ покойный, какъ лошадь. А этого типа надо позвать къ намъ. Очень бойко пишеть...

А безпокойная душа Критугова уже металась по воздуху, и, понявшая всѣ дѣла мірскія, прозрѣвшая и умная, приставала къ другимъ душамъ.

ворилъ въ редакціи уважаемаго журнала:

— Трудно въ Россіи сѣять разумное, доброе, вѣчное. Этотъ мальчишка смѣется въ своей статьѣ надо мной... Я разработалъ бытъ шестнадцати мелкихъ профессій, семи крупныхъ и двухъ отхожихъ промысловъ.

Всѣмъ было жалко Критугова, и никто не могъ помочь.

Онъ ушелъ домой, старенькій, спорбленный, и удивлялся дорогой, почему никто не интересуется его книгами, когда экономическое положеніе врачей такъ же безвыходно, среди столяровъ есть философы, а онъ еще такъ недавно вскрылъ язвы современнаго строя въ большомъ романѣ: «Жизнь одной хлѣбопекарни».

* * *

Незадолго до смерти, Критуговъ пересталъ выходить изъ дома. Рукописи разносила его жена, молодая акушерка 32 лѣтъ, вышедшая за него замужъ изъ почтительности.

Возвращалась она съ тюкомъ рукописей, напоминающая издали грузовой автомобиль.

— Вернули?

— Вернули. Въ одномъ мѣстѣ прямо сказали; пусть маститый не беспокоится, редакція перешла въ другія руки...

— Такъ, такъ... А лѣтъ сорокъ тому назадъ тамъ былъ редакторъ Сергѣй Ивановичъ. Онъ тоже не принималъ у меня матеріала, но былъ очень обходителенъ...

По вечерамъ къ нему приходили молодые люди съ большими повѣстями и читали вслухъ. Одобривъ зсѣхъ, Критуговъ долго раздавалъ рекомендательныя письма и засыпалъ.

* * *

Ровно въ 83 года и семь мѣсяцевъ онъ умеръ. И какъ цвѣтокъ на могилѣ, на трупѣ Критугова выросъ молодой критикъ, написавшій промовую статью о немъ, въ которой молодымъ виномъ бродила радость о поводу смерти Критугова.

Гдѣ бываютъ артисты и писатели ?
за завтракомъ, обѣдомъ и ужиномъ

ВЪ РЕСТОРАНѢ
И. С. СОКОЛОВА.

Комфортабельные
кабинеты.

Ул. Гоголя, 13. Тел. 477-35, 29-65 и 182-22.

Ресторанъ открытъ до 11 час.

4-й годъ
изданія.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА
на еженедѣльный журналъ САТИРЫ и ЮМОРА

4-й годъ
изданія.

„НОВЫЙ САТИРИКОНЪ“.

ТРИ ЦѢННЫХЪ ПРЕМИИ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ (безъ доставки) 6 руб. 80 коп., съ пересылкой и доставкой 8 руб., на полгода 4 руб., на 3 мѣс. 2 руб., на 1 мѣс. 70 коп.

Адресъ конторы и редакціи: Петроградъ, Невскій, № 88. Телефонъ 59-07.

— Душенька... А, душенька... Почему же меня никто кь другому ремеслу не приучиль?...
* * *

Вотъ почему никогда я не буду писать бытовыхъ разска- зовъ. Нельзя цѣлую жизнь прошататься съ готовымъ некро- логомъ.

Арк. Буховъ.

Почтовый ящикъ „НОВАГО САТИРИКОНА“.

А. Петроградъ.

Ал. Сперанскому. — Кь сожалѣнію, не подошло. — Л. Живъ — Не подошло.
Лигово. Осипу Пе. Тоже.
Царское село. Е. Стенк—ой Не подошл
Сестроръцкь. А. Трофимову. — Тоже.

Б. Москва.

Сергью Зарову. — Не принято.
Анатолю В. — О. Луръ — Не будетъ напечатано. — Ожи- дающему. — Пришлите что-либо другое.
М. Фомичевой. Длинно. — А. И. Брееру — Не подошло.

В. Провинція.

„Городъ К. — Н. Л — у“ — Киевъ. Сыну Невы. — Усть- Нарова. И. Окстану. — Черниговъ, Николаю Зинзару. — Крымъ. „Тсс...“ — Одесса Н. Н. Л. Е. — Ст. Лабинская. Мишь Миши- ну. — Новочеркасскъ. В. К. — Въ пространство. Марку Нуда- кину. — Сосновка. Э. Ф. Все присланное — не подходитъ. Ста- ница. — Шелопутно. Петру Хм. Киевъ. В. Т. — Вятка. Под- писчику № 6052. — Киевъ. П. Иваницкому. — Рязань. Г. Г. — ст. Расторгуевъ. В. Тутомину. — К. А. Салами. — Воронежъ. Альбрехтъ. — Спб. Вакегрица. Крокодилову. — Неизвѣстно куда Г. Донецкому. Все присланное — не принято. Ave.

Редакторъ А. Т. Аверченко.
Издатель Т-во „Н. Сатириконъ“.

Рис. Н. Р.

ЖУТКАЯ ИСТОРИЯ.

— ... Сижу я у нея въ будуарѣ — вдругъ вры- вается мужъ... Баць! И на вылетъ!
— Изъ револьвера?!
— Нѣтъ. Изъ окна.

ЕДИНСТВЕННАЯ ВЪ РОССИИ
ТАБАЧНАЯ ФАБРИКА
имѣющая СПЕЦІАЛЬНЫЙ отдѣлъ
„TABACS ET CIGARETTES DE LUXE“

SPHINX	10 шт.	отъ 40 к. — 1 р.
KNEOIVE	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
CLASSIC	10 шт.	отъ 20 к. — 60 к.
АНГЛІЙСКІЕ ТАБАКИ	фунтъ	отъ 5 р. — 15 р.

ПАПИРОСЫ:

„ЯКА“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.
„САФО“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.
„DARLING“	10 шт. 15 к. и 20 к.
	10 шт. 30 к. и 40 к.

Требуйте всюду, а также въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
Ш-во Я. Ж. Богдановъ и Ко.

ВСЕМІРНОИЗВѢСТНЫМ
КРЕМЪ КАЗИМИ
МЕТАМОРФОЗА

ЕДИН- СТВЕННО ПРИЗНАННЫЙ ЖЕНЩИНАМИ ВСЕГО МІРА. БЕЗСПОРНО РАДИКАЛЬНО УДАЛЯЕТЪ ВЕСНУШКИ, УГРИ ПЯТНА, ЗАГАРЪ, МОРЩИНЫ И ДР. ДЕФЕКТЫ ЛИЦА.

Calmin

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ.
новая книга:
„Теплая Компания“
Съ кѣмъ мы воюемъ.
Текстъ: — Арк. Аверченко, Вл. Азова, А. Бухова, О. Л. Д’Ора и Тэффи.
Цѣна 1 р. 25 к.

Вышелъ въ свѣтъ и поступилъ въ продажу пятый томъ пьесъ Аркадія Аверченко.
„БЕЗЪ СУФЛЕРА“.
Между прочими пьесами: „Дѣточка“, „Женщина, достойная уваженія“, „По-хорошему“ и др.

ПАПИРОСЫ

№6

Перемѣна адреса.
Контора журн. „Новаго Сатирика“ вьзываетъ съ гг. подписчиковъ за перемѣну адреса 30 коп. и просить прилагать ста- рый адресъ.

СУСАННА И СТАРЦЫ.

Рис. А. Радакова.

— О, счастье! Еще минутка, и она будеть наша! Францъ, держись бодрѣй, чтобы она не приняла насъ за стариковъ! Сусанночка, куда же вы!
Румынія: — Надо же мнѣ приодѣться...

Приодѣлась.
— А теперь — пожалуйста!!